

*Мудрость
поэтов
Востока.
Хайям.
Низами.
Саади*

УДК 821.21/22

ББК 84 (0) 9

М90

- М90 Мудрость поэтов Востока / Хайам, Низами, Саади; авт.-сост. Н.А. Волковский. — Москва : Издательство АСТ, 2017— 208 с.: ил. — (Большая книга мудрости).

ISBN 978-5-17-103408-5

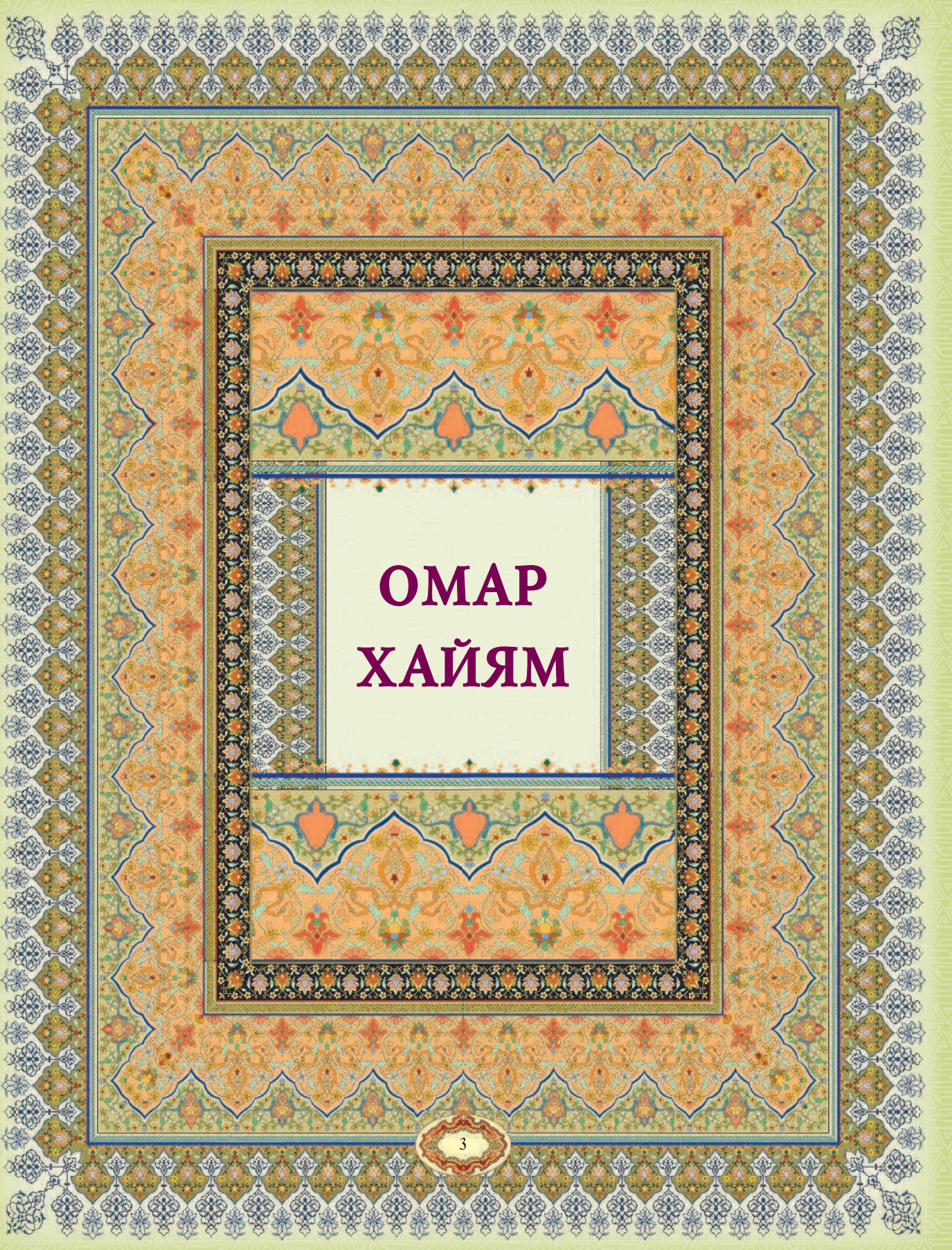
Творчество поэтов Востока — Омара Хайама, Низами Гянджеви, Саади — обладает удивительным свойством — какой-то особой, непостижимой независимостью от времени, совершенной неувядаемостью. Чтобы подчеркнуть эту особенность текст сопровождается как картинами французского художника Жана-Леона Жерома, так и работами классиков восточного изобразительного искусства Ага Мирека, Абд аль-Раззака, Мир Сеида Али, Музаффара Али, Муина Мусаввира, Ризы-йи-Аббаси, Султана Мухаммеда Низамеддина и других известных персидских художников, пополненных ими для иллюстрации средневековых манускриптов. Творчество мастеров миниатюрной живописи органично дополняет поэзию великих мыслителей, помогает воспринимать читателю дух национальной культуры, к которой принадлежали авторы знаменитых произведений.

УДК 821.21/22

ББК 84 (0) 9

ISBN 978-5-17-103408-5

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ОМАР ХАЙЯМ

УЧЕНЫЙ И ПОЭТ

Кто он, Омар Хайям? Долгое время всему миру под этим именем был известен гениальный ученый Омар Хайям. Как математик он внес вклад в алгебру построением классификации кубических уравнений и их решением с помощью конических сечений. Как астроном Омар Хайям прославился созданием солнечного календаря, более точного, чем григорианский. Еще больше людей знает его как выдающегося философа. А вот слава поэта к нему пришла значительно позднее...

В России Хайям-ученый и Хайям-поэт долгое время считались двумя разными людьми. Путаница объясняется тем, что во времена Хайяма свои труды ученые писали на арабском языке. Не было исключением в этом отношении и Хайям, который как ученый все свои работы написал именно на этом языке. Стихи же не предназначались для широкой публики, они часто сочинялись для себя, и, конечно, писались на родном персидском языке. Вот так и случилось, что в книгах, написанных на арабском языке (языке ученых), о нем говорят исключительно как о математике и астрономе. Персидские же источники упоминают о нем и как о поэте.

Омар Хайям родился в семье небогатого торговца в городе Нишапур персидской провинции Хорасан. Его полное имя — Гияс ад-Дин Абуль Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури. Предполагается, что прозвище Хайям (Палаточник) связано с профессией его отца или кого-то еще из предков. Детство Хайяма пришлось на жестокий период сельджукского завоевания Центральной Азии. Провинция Хорасан, где проходило детство Омара Хайяма, стала местом жестоких столкновений. Погибло множество людей, в том числе значительная часть ученых.

Омару Хайяму приписывается авторство около 5000 рубаи, хотя ни одна из древних рукописей не содержала более

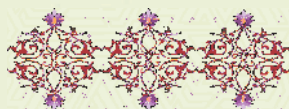
300–400 четверостиший. Причем отмечается, что значительное количество рубаи изобилует повторами. В этой связи известный советский востоковед Е.Э.Бертельс высказал суждение: «Внимательный читатель не может не заметить, что среди рубаи значительное число трактует одну и ту же тему. Мы находим как бы „пучки“ четверостиший, очень близких по содержанию и различающихся лишь мелкими деталями. Нам кажется, что одна гипотеза могла бы легко объяснить эту особенность четверостиший Хайяма... Возможно, что он писал их на клочках, обрывках бумаги, и, когда у него собиралась небольшая группа ученых, его единомышленников, Хайям в беседе за кубком вина читал им свои последние творения. Представим себе, что пять друзей Хайяма, придя домой, записали услышанные ими стихи, каждый с небольшими отклонениями, с заменой того или иного слова. Так возникло бы минимум шесть вариантов четверостишия, которые позднее, при собирании их, принимали за отдельные стихотворения. Число вариантов увеличивалось и при переписке рукописей». Это мнение Е.Э.Бертельса в последние десятилетия поддерживается многими хайямоведами. В библиотеке Кембриджского университета хранятся подлинники древних рукописей, содержащих 293 рубаи, которые, по мнению востоковедов, достоверно принадлежат Омару Хайяму.

В целом исследователи разных времен и народов считают, что творчество Хайяма — это одно из удивительных явлений в истории культуры народов Средней Азии и Ирана, и, пожалуй, всего человечества. Рубаи Омара Хайяма, не зная ни временных, ни национальных границ, пережили века и династии, дошли до наших дней. Вся поэзия Хайяма — это прославление величия духа человеческого, она проникнута верой в бессмертный творческий разум. Этим она близка людям. В этом — залог ее бессмертия.

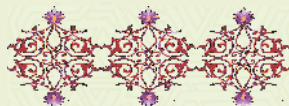
*Николай Волковский,
профессор СПбГУ*

РУБАИ¹

*Наполни гашу соком лоз, пока
Рассвет над кровлей теплится слегка.
Пы говоришь, вино горчит? Ну что же,
В нем — истина. Она всегда горька...*

*Пы — богат и пресыщен, я — беден и наг.
Но затем суетимся мы в поисках благ?
Оба в прах обратимся, а он, как известно,
На гробницы пойдет для других бедолаг.*

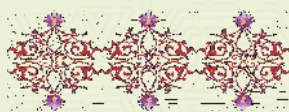

*Всемогущий, Пы добр и не жаждешь расплаты.
Но затем из Эдема изгнал бунтаря Пы?
Если милость Пывая для невинных, Господь, —
У кого же прощенья искать виноватым?*

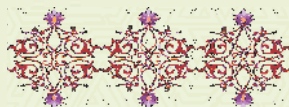
¹ Перевод Ирины Евсы

*Друг, пока мы здоровы и духом тверды,
Будем пить, заедая горбушкой беды.
Ибо вскоре небесная гаша, вращаясь,
Нашу жажду не скрасит и каплей воды.*

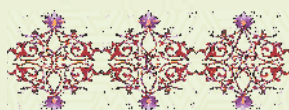
*Вино — рубин. Кувшин — рудник. А тело — пиала.
Мерцает в ней твоей души подсвеченная мгла.
Хрусталь, искрящийся вином, воистину подобен
Слезам, в которых кровь лозы багровый луг зажгла.*

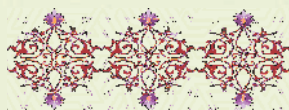
*За все готов заплатить сполна, под языком нектар
катая.
Я за один глоток вина отдам сокровища Китая.
А сто религий — за хрусталь хмельного кубка
в час рассветный.
Все так. Но есть еще пегаль, что нас уносит, не сгитая.*

*Всевышний, говорят, и сам не рад,
Что раздавал изъяны всем подряд.
Теперь Он разбивает нас о камни.
Ущербны мы. Но кто же виноват?*

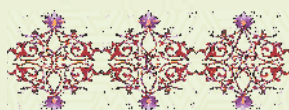
*Сегодня ты богат, а завтра нищ.
Твой прах развеют ветры пепелищ,
Смешают с глиной, и она однажды
Пойдет на стены будущих жилищ.*

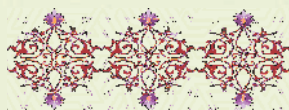
*О кумир драгоценный, продолжим игру.
Кровь пурпурной лозы я в кувшин собираю.
Выпьем вместе, покуда мы глиной не стали,
А из глины — кувшином на бойком пиру.*

*П*оскольку жизнь твоя висит на волоске,
Остерегайся дни расстривать в тоске.
Иначе ты найдешь не переливы перлов,
А серую пыльцу в разжатом кулаке.

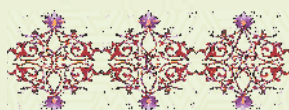
*Д*аже если мой стан — кипарис, а щека
Ярче розы, нежнее ее лепестка, —
Не пойму, для чего, о Предвечный Художник,
Ты включил нас в узор Своего цветника?

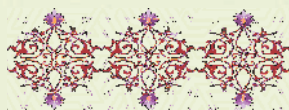
*Что мне миру сказать, если, умники, вы
Не узрели рисунка Господней канвы?
Потянули за контик сверкающей нити —
И узор в тот же миг распустился, увя!*

*Тонимый роком по холмам кругин —
Не разлигает истинных пригин
Тех бед, что небосвод ему пророгит
Затем, чтоб он их завтра получил.*

*Слабеют корни. Осыпается листва.
Транаты щек моих покрыла синева.
Я — старый дом: прогнили крыша и опоры.
Свет не погас еще, но теплится едва.*

*Бог — кукловод, а куклы — ты и я.
Что боль Ему твоя или моя?
Даст поиграть над пестрою завесой
И сложит нас в сундук небытия.*

